

*Такой Ирина
Роднина пришла
к Станиславу
Жуку, а ее улыбка
окрыляет людей
и по сей день*

БИТВЫ ИРИНЫ РОДНИНОЙ

ЕЕ ЗАСЛУГИ В СПОРТЕ ЗАФИКСИРОВАНЫ ДАЖЕ В КНИГЕ РЕКОРДОВ ГИННЕСА — ТРЕХКРАТНАЯ ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА, ФИГУРИСТКА НА ВСЕ ВРЕМЕНА. ОНА СТАЛА РОДОНАЧАЛЬНИЦЕЙ СРЕДИТЕЛЬНОГО ЛЕТАЮЩЕГО СТИЛЯ В ПАРНОМ КАТАНИИ — ОТ ЕЕ «КАЛИНКИ» МУРАШКИ БЕЖАЛИ ПО КОЖЕ. СМЕНИЛА ДВУХ ПАРТНЕРОВ, ДВУХ ТРЕНЕРОВ, ДВУХ МУЖЕЙ, НО ОСТАЛАСЬ ВЕРНА СЕБЕ. ЖИЛА В АМЕРИКЕ, НО ВЕРНУЛАСЬ В РОССИЮ, ЧТОБЫ ЗАНИМАТЬСЯ ЗДЕСЬ ПРОПАГАНДОЙ ДЕТСКОГО СПОРТА. ВЫГЛЯДИТ КАК БИЗНЕСВУМЕН, ЯВЛЯЕТСЯ ДЕПУТАТОМ ГОСДУМЫ, НО НЕ ОСТАВЛЯЕТ ДУМ О ЛИЧНОМ СЧАСТЬЕ. ТАЛАНТ, ТРУДОЛЮБИЕ, ВЕЗЕНИЕ, ХОРОШИЕ ТРЕНЕРЫ И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ РОДИТЕЛИ СДЕЛАЛИ ЕЕ НЕПОБЕДИМОЙ — В СПОРТЕ ОНА НЕ ПРОИГРАЛА НИ РАЗУ.

Ирина, вы чувствуете себя живой легендой?
Я знаю, что сделала многое, и уважаема за это, но тешить себя мыслью, что я особо значимый человек — такого нет. По-моему, синдром «бронзового величия» — это всего лишь обратная сторона комплекса неполноценности.

Но ведь победы — как жизненные вехи, вряд ли они не сказываются на отношении к себе, к людям, к понятию успеха?

Конечно, ведь каждая победа доставалась со все большим трудом. Накапливался груз ответственности, требований к себе и саморазвитию ста-

новилось все больше. В отличие от других видов спорта, где «быстрее, выше, сильнее», в фигурном катании разные технические и творческие направления, программы, музыка, костюмы — и во всем этом нужно быть не просто профессионалом, а лидером.

Удовлетворены ли вы своей нынешней деятельностью в Госдуме?

Мой «роман» с политикой начался давно, в 1980 году, когда я пришла работать в ЦК ВЛКСМ. Но я не считаю себя политическим человеком — точнее было бы сказать, что я занимаюсь общественно-политической работой. Свой первый опыт работы

с законами я получила в Общественной палате, хотя особых результатов эта деятельность, на мой взгляд, не принесла. В комсомоле были конкретные программы, имеющие государственное финансирование, — это то, чего нам не хватает в сегодняшней жизни. Брать за основу западный опыт в области спорта и молодежной политики мы пока тоже не можем — финансово и морально наше общество к этому не готово. Спортсмены, правда, сейчас неплохо представлены и в Общественной палате, и Госдуме, партия «Единая Россия» уделяет огромное внимание развитию спорта и личности. Общество «Спортивная Россия», в котором я работаю, подписало с «Единой Россией» договор об очень человеческих и перспективных программах формирования здорового, сильного, амбициозного, успешного поколения. Страна соскучилась по победам. Вот, заняли 3-е место на чемпионате Европы по футболу — раньше бы это назвали «семейные радости», а сегодня событие обрело статус некоего национального свершения.

Высокостатусная работа сильно меняет внутреннее психологическое состояние?

Годы в большом спорте сделали меня человеком известным и популярным, что не только приятно, но и очень ответственно. Слава окрыляет первый год, потом понимаешь, что это — колоссальная нагрузка. Но за годы я к этому привыкла, поэтому в моем отношении к жизни и себе ничего не изменилось. Главное — я занимаюсь тем, что мне интересно и что приносит пользу людям. Я сознательно отошла от большого спорта, занимаюсь развитием массового юношеского и детского спорта. Много езжу по регионам. Замечаю, например, что в некоторых вузах сегодня планируются восстановление отделений фигурного катания на спорткафедрах...

В какой степени популяризации фигурного катания способствуют нынешние телеледдовые шоу?

«Танцы на льду» и «Ледниковый период» потрясающе воздействуют на людей, привлекают внимание и интерес к красоте и спорту. Конечно, это своего рода спортивная самодеятельность, но это интересно, а значит, правильно. Наконец-то от фильмов о «ментах» и «бандитах» мы идем к человеку, его индивидуальности — развитием этого Россия всегда славилась. Но нужно осознавать, что спорт — это огромная работа и испытание, а не просто «звезда с звездой говорит».

На премьере шоу «Танцы со звездами» вы откатали легендарную «Калинку». Было здорово и трогательно. Значит, это кому-то нужно?

**«ГРУБОСТЬ
ЖУКА
ПРИВОДИЛА
К ТОМУ, ЧТО
БОЛЬШИНСТВО
ЕГО УЧЕНИКОВ
ОТВОРАЧИВАЛОСЬ
ОТ НЕГО»**

Я просто себе сказала: «Дай-ка я попробую, в конце концов». Это был стимул заняться своей формой и просто проверить — смогу ли? Но в дальнейшем участвовать в таком шоу нет желания. Потребовалось бы много усилий, а дурочку валять не хочется — профессиональное чувство не позволит.

С каким мироощущением вы живете сейчас?

Я счастлива, что у меня есть дело, что я занята, и мне совершенно не страшно встречать свое скорое 60-летие. С улыбкой вспоминаю, как, отмечая 40-летие, я испытывала чувства ужаса и тоски.

Нынешний свой возраст я воспринимаю с куда большим оптимизмом.

У вас было в детстве «звездное предчувствие» своей судьбы?

Тогда никто ничего такого не предполагал — не было спортивных школ, почти не было телевидения и не слишком знали, что такое фигурное катание. Да и самого спорта как профессии не было, причем не только у нас — еще 25 лет назад большинство федераций в мире были любительскими. Я никогда не хотела заниматься спортом «пожизненно». На первом моем чемпионате мира, когда мы выиграли у Белоусовой — Протопопова в Колорадо-Спрингс, я как бы

победила — и все. И лишь после второго чемпионата стала загадывать, как мне казалось, далеко — на два года вперед, до Олимпиады 1972 года.

Вы столь уверенно вошли в большой спорт, что все вскоре стали считать, что Роднина — это человек железный, у которой все получается на «ура»...

Все давалось с трудом и не всегда получалось. У моего тренера Станислава Жука было совершенно четкая выстроенность отношения к работе и ученикам: или выполняешь задание тренера, или забываешь его навсегда. Дисциплина была жесткая, ни на что другое вообще не было времени. От учебы нас никто не освобождал, приходилось успевать в школе, а потом в институте. Было лишь одно право — много работать.

Можно ли предположить, что все великие спортсмены — аскеты и фанатики саморазвития?

Ну, в 14 лет разве воспитываешь свой характер сама? Конечно, как мне кажется, наше послевоенное поколение особенное. Страна только вставала на ноги после войны, все были в одинаково тяжелом положении и понимали, что только трудом можно это преодолеть. Такое отношение к жизни мы унаследовали и от родителей. В спорте высших достижений, в первую очередь, нужны способности. Плюс — готовность к различным экстремальным ситуациям и вера в себя.

«МОЙ ВТОРОЙ МУЖ
ВСЕ РАССКАЗЫВАЛ,
ЧТО ЕМУ ОЧЕНЬ
ПРАВИТСЯ
ЖЕНА, НО ЕСТЬ
МАЛЕНЬКОЕ
„НО“: СЛИШКОМ
ИЗВЕСТНАЯ»

В паре с Алексеем Улановым Роднина стала 4-кратной чемпионкой Европы и Мира и Олимпийской чемпионкой в Саппоро-1972

«У НАС БЫЛО
СВОЕ МНЕНИЕ
ПО ПОВОДУ
ВСЕГО, И МЫ
МОГЛИ ИНОГДА
ПОВЕРНУТЬСЯ
СПИНОЙ
К НАСТАВНИКУ»

Какое соотношение трудолюбия, таланта и везения, на ваш взгляд, является оптимальным для успешной спортивной карьеры?

У каждого по-разному, но в любом случае работоспособность и нацеленность на результат, должны быть на первом месте. Как правило, жизнь показывает, что успехов добиваются прежде всего люди, наделенные трудолюбием. Это не сверхусилия, а элементарная работа.

Верно ли, что хороший тренер должен быть слегка тираном, как называли Станислава Жука?

Он не тиран, просто часто бывал груб. Пока его ученики были детьми, они этого не очень понимали и терпели. Но когда выросли, да еще и готовились к большим результатам, в них росло чувство собственного достоинства. И если тебя при этом унижают, то накапливается негативная реакция. При всем этом у него было очень интересно тренироваться, практически каждый научился у него главному — умению работать. Он учил реально оценивать свои возможности, правильно строить планы физических нагруз-

зок и совершенствования в технике. Но хамство и грубость приводили в итоге к тому, что большинство учеников от него отворачивалось.

Когда вы попали к Татьяне Тарасовой, ситуация изменилась?

Там приходилось работать еще больше. У нее в группе, конечно, была более творческая атмосфера, более дружелюбное общение, иногда даже панибратское, что не всегда шло на пользу. Мы, уйдя от Жука, и выбора-то не имели — кроме Чайковской и Тарасовой идти было не к кому. Мы выбрали Тарасову и никогда об этом не жалели.

Стиль вашего катания с Зайцевым у Тарасовой стал мягче, лиричнее, одухотвореннее. Открылось второе дыхание?

Мы, в основном, из-за этого и пошли к Тарасовой. Хотя первый сезон вообще ничего не меняли — надо было срочно готовиться к чемпионату мира и Европы. Во втором сезоне начали экспериментировать — у нас появилась возможность работать более самостоятельно. Я даже думаю, что в этом плане Тарасовой было с нами нелегко — нас можно было только убедить, но надавить, переломить уже было невозможно. У нас было свое мнение по поводу всего, и, как это нередко бывает у состоявшихся спортсменов, мы могли иногда повернуться спиной к наставнику.

Стремительность вашего стиля катания, эта выброшенная вперед рука — откуда, кто это придумал?

Тут ничего не придумаешь, это — природа, она определяет любой стиль. Можно придумать программу и композицию, но не физические особенности.

Просто тренер, первым это заметивший, стал это развивать.

И это, по большому счету, главная задача любого тренера.

Что вы чувствовали, когда победили легендарных Белоусову и Протопопова?

Ничего. Нас даже никто не поздравлял — не знали как реагировать, пока не пришли поздравительные телеграммы из Москвы. Не могу сказать, что у нас с Белоусовой — Протопоповым был какой-то антагонизм. Жук всегда обращал внимание на их сильные стороны, но сразу нам сказал, что этим путем мы не пойдём. И предложил действовать от противного, то есть противопоставить лирике количество прыжков, сложных элементов и скорость. По большому счету, когда мы в первый раз выиграли, то это была победа тренера, Жук к этому сознательно готовился. Это было в большей степени какое-то их негласное соревнование.

«СОВЛАДАТЬ СО СТРАХОМ, ВЫЙТИ НА ПУБЛИКУ ОЧЕНЬ СЛОЖНО ВПЕРВЫЕ. А ПОТОМ ПРИХОДИТ БЕСТРАШИЕ»

Действительно ли, как гласит легенда, Роднина абсолютно бесстрашна?

Я просто очень любила соревноваться. Если ты готов, чего тебе бояться? Совладать со страхом, выйти на публику очень сложно впервые. А потом постепенно приходит бесстрашие, к этому тоже готовят. Хотя раньше у нас было мало международных соревнований и показательных выступлений, где можно было обкатать свои программы.

Весь мир помнит ваши сияющие глаза и слезы на пьедестале после последней олимпийской победы. Что вы чувствовали?

Во-первых, было безумно радостно. А может быть, это было подведение итогов. Я прекрасно понимала, что сделала то, что уже никто не сделает. И никто, даже мои партнеры, не знали, какой ценой мне это досталось. А еще это была гордость. Теперь знаю — мои слезы давно принадлежат стране.

Было ли ощущение пустоты после завершения карьеры?

Нет. У меня изначально было желание выйти за этот меловой круг и начать делать другое дело. Кроме того, я всегда с трудом воспринимала нашу «фигурную» публику. Не нравилась мне эта тусовка, их отношение друг к другу. Я слишком долго их всех знала и не могу поменять ко многим из них отношение, зная, что тебя могут элементарно предать. Вставая на пьедестал, я каждый раз себе говорила: еще год отвоевала! Это не очень принято обсуждать, но я могу говорить и поступать, как считаю нужным, и не потому, что взбалмошна — своим результатом и работой я доказала, что была на правильном пути.

Не жалели ли вы, уйдя из спорта, что вам не удалось сохранить семью?

Быть хорошей мамой и женой, уметь сохранять дом, отношения в нем — это огромное искусство. Надо любить дом, чтобы всецело заниматься им, стремиться к этому. Многие мужчины смогли состояться только потому, что женщины создавали им надежный тыл. Но у каждого свои взгляды на жизнь и то, как ее строить. Видимо, у меня в характере превалирует иное. И в этом смысле я похожа на маму — она у меня буквально горела на работе, была медсестрой, прошла всю войну...

Второй муж тоже не настаивал, чтобы вы были «домашней»?

Он-то как раз очень хотел, чтобы я была просто женой. Всем рассказывал, что у него все дома хорошо, что ему очень нравится жена, но есть одно маленькое «но»: очень известная. Пока я сидела дома, это

его не так волновало. Но, опять же — скучно мне сидеть дома.

Значит, условие семейной гармонии — понимание, что партнеру важно себя где-то еще реализовать?

Конечно. Но и сама женщина должна отвоевывать свое право что-то делать, работать, там, где она хочет. Если у тебя есть к чему-то интерес и способности, то зачем себя давить, ограничивать? Если ты успеваешь везде — это замечательно.

Как вы относитесь к распространенному типу мужчин, у которых на уме один бизнес?

Просто сейчас жизнь диктует другие условия. Я лишь против того, что для многих женщин мужчина становится ее банковским счетом. Мне кажется, это унижает и провоцирует конфликты. На своих партнеров по жизни нужно смотреть с уважением, это порождает взаимопонимание.

Точно так же ужасно, когда мужчина смотрит на свою жену только как на красивую куклу: купил, одел, свозил, держит в золотой клетке. Не будет ничего хорошего из этого.

Вы всегда были первой, а значит — самодостаточной. Что вы могли бы сказать о роли мужчин в вашей жизни?

Мужчины в моей жизни всегда были, есть и будут. Слава богу, во все времена они были рядом — и в личной жизни, и в работе. Они влияют на мою жизнь и играют в ней огромную роль.

Если говорить о партнерах — с ними было связано разное, но я добивалась хороших результатов в том числе и благодаря им. И это главное. Надеюсь, они могут сказать обо мне то же.

Верно ли, что чем женщина талантливее, тем труднее ей найти мужчину?

Конечно. Для меня важно, чтобы рядом со мной был человек, с которым мне интересно и которому будет интересно со мной. Неважно, какие ты занимаешь места или достигаешь результатов — важно, чтобы возникало единое биополе. Если этого не происходит и люди не становятся близкими, то все бессмысленно... Но и какой-то катастрофы в этом тоже нет.

Что делать, если идеального совпадения не получается — любить без взаимности, страдать и быть одной или найти что-то хорошее в том, кто любит тебя?

Если не получается, то ничего не поделаешь. Я не умею себя уговаривать: не мой человек — значит не мой. Есть люди, которые умеют находить в любой ситуации какие-то позитивные стороны. Но про себя могу сказать, что я не умею

смиряться. Если я вижу, что это плохо, то — плохо. Это качество, по крайней мере, спасало меня в спорте.

Как дела у ваших детей?

Мои дети сами определяют свою жизнь, сами принимают решения. Саша закончил Строгановку и работает, ему нравится гончарное дело. Семья у него замечательная. В день открытия Олимпиады в Пекине я стала бабушкой, теперь у меня есть внучка Соня. Аленка закончила университет, решила выбрать политику и журналистику и работает в Вашингтоне, в телекомпании «Russia Today» — пишет и организует программы. Она выросла в Америке, одинаково хорошо говорит по-русски и по-английски, но ощущает себя русской. Своим детям я абсолютно доверяю, как доверяли мне мои родители — все, что делается от сердца, всегда дает хорошие плоды. Так должно быть в каждой

нормальной семье, пусть и неполной, — тогда дети вырастут образованными и амбициозными. Не сомневаюсь, что у состоявшихся родителей и ребенок состоится — неважно, в каком деле.

Из чего сегодня складывается ваша жизнь?

Из множества обычных вещей. Успеваю и к дочке в Америку слетать, и в театр сходить, и с друзьями встретиться, и книги читать, и в отпуск съездить. Правда, в отпуск на все 24 дня я выбиралась последний раз, кажется, в том же 1980 году. Лучше несколько раз отдохнуть по

5—10 дней, чем один раз — месяц. Я люблю отпуск активный, читать много не удастся, но общаюсь достаточно.

В чем главном, вы считаете, вам повезло?

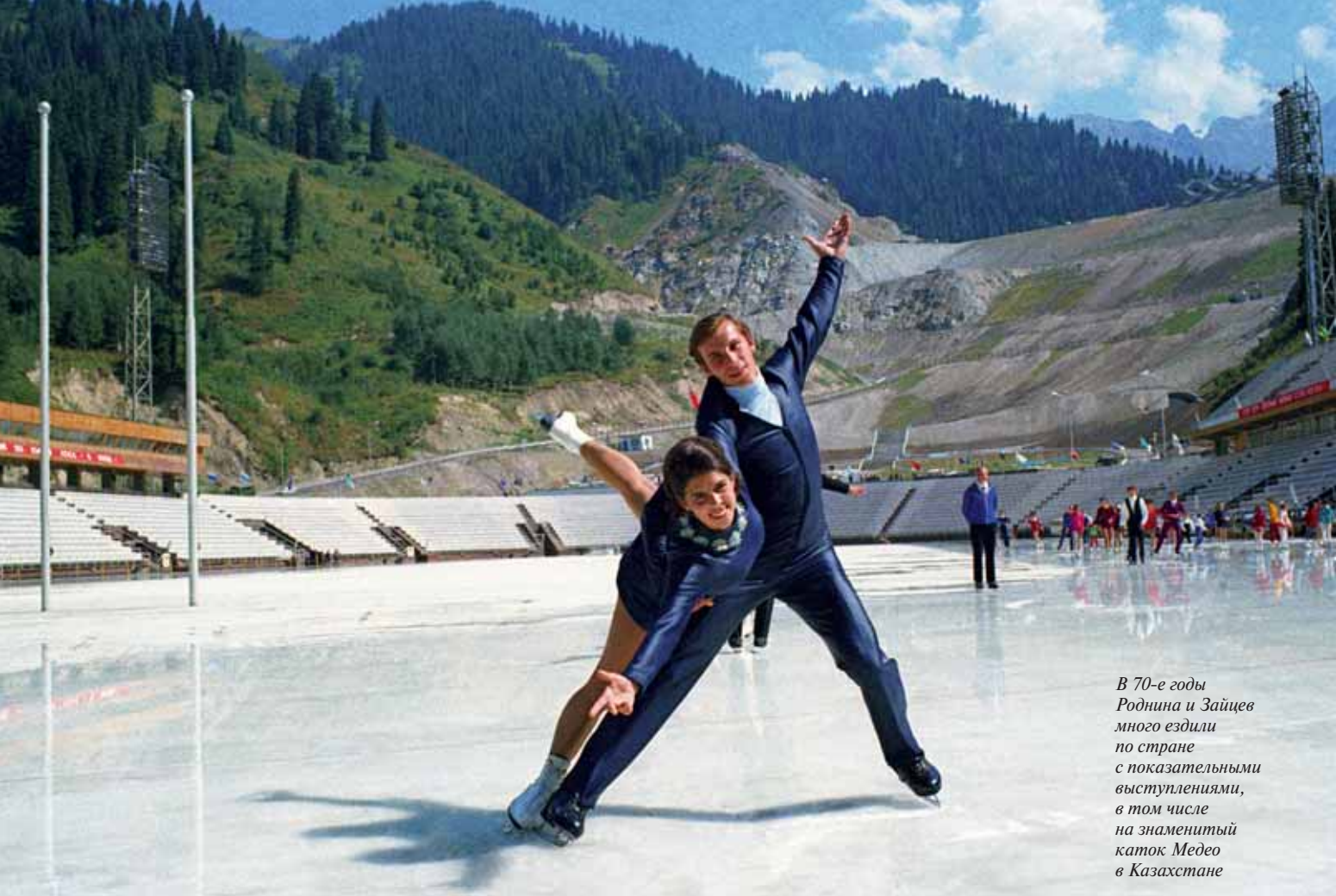
Думаю, что попала к Станиславу Жуку — несмотря на его несносный характер. Но Жук ведь тоже отбирал! Самое большое везение в моей жизни — это мои родители. Все мое везение — от них. Они меня привели на лед и в какой-то момент поняли, что мне это нравится, что у меня получается. Они были во многом для меня опорой и защитой. Могу сказать, что я их не подвела, и мне сегодня их очень не хватает.

Чему вас научила Америка?

Очень многому, я приобрела колоссальный профессиональный опыт. Я научилась другому отношению к понятию профессиональной этики — это то, чего у нас нет. Научилась работать с инвалидами, потому что милосердие — это тамошний стиль жизни, хотя у нас больше говорят о его жесткости.

Ощущение своей звездности со временем не уходит?

«СВОИМ
ДЕТЯМ
Я АБСОЛЮТНО
ДОВЕРЯЮ
ТАК, КАК
ДОВЕРЯЛИ
МНЕ МОИ
РОДИТЕЛИ»

В 70-е годы Роднина и Зайцев много ездили по стране с показательными выступлениями, в том числе на знаменитый каток Медео в Казахстане

«ВАЖНО, ЧТОБЫ СО МНОЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК, С КОТОРЫМ МНЕ ИНТЕРЕСНО И КОТОРОМУ ИНТЕРЕСНО СО МНОЙ»

Нет у меня этого — звездности. Я считаю, что любой человек становится значимым, если он на своем месте, если у него способность к своему делу, он его любит и много работает. В том кругу или в другом, на таком уровне или на другом. Вот и все. Невозможно всегда жить мировыми проблемами — все равно жизнь мы строим в своем ближнем окружении.

Имя в вашей работе помогает?
Помогает. Немало людей обладает гораздо большими знаниями по разным жизненным направлениям, нежели я. Но у нас ведь так привыкли: значимых выслушивать, а знающих и опытных — не очень. И вот их идеи мне приходится доносить до уровня принятия общественно значимых решений. Получается, что имя — не последняя вещь, чтобы знания и опыт могли работать на благо общего дела.

Чего бы вам хотелось в жизни сегодня?
Чтобы дети были здоровы. И чтобы им было интересно жить, чтобы у них были хорошие друзья, семья, профессия. Счастье — это просто жить.

Светлана Лепешкова